

Глава 4: Спи спокойно

Запах в коровнике был очень неприятный, поэтому Лу Жун свернулся калачиком на куче сена, где в его ноздри ударил запах травы и дерева, что было намного лучше. Он посмотрел на снежинки за окном и погрузился в раздумья.

Всех детей из детского сада уже забрали и развезли по домам. Он задавался вопросом, попросил ли Ван Ту отгул. А если нет, воспитательница бы рассердилась. Мальчик не задумывался, сможет ли он вернуться в детский сад, но мысль о том, что его учительница рассердится, заставила его встревожиться.

Лу Жун наострил уши, прислушиваясь к звукам разговоров и смеха вдалеке, и поглубже зарылся в сено. Это — группа детей пригнала коров, каждый нес большой кусок льда, продетый соломенной верёвкой через отверстие сверху, который они грызли на ходу.

Они остановились перед сараем и ждали, пока самый старший ребенок со скотом заведёт их внутрь. Старший ребенок просто отодвинул забор и замер на месте.

Остальные дети тоже перестали болтать и уставились вперед.

Лу Жун немного нервничал, он в панике откинулся на сено, пытаясь сесть, опираясь на руки, но мягкое сено под ним скатывалось, и он кубарем упал на землю. Он поспешно встал и выпрямился, замечая, как дети уставились друг на друга, мальчик в ожидании схватился за собственную штанину, сжал её своими руками.

Повисла тишина. Старший ребенок, лет восьми или девяти, первым пришел в себя и спросил Лу Жуна: "Почему ты в сарае? Где человек, который принёс тебя?"

Он говорил на сильном диалекте, который Лу Жун плохо понимал, но тот отчетливо расслышал только слово сарай, поэтому ответил робким шепотом: "Я уйду позже."

"Разве мы только что не видели того человека у ручья? Он шел один," — несколько других детей поблизости сказали старшему ребенку.

"Да, да, я тоже его видел! Он шел один к дороге, вроде, спускаясь с холма."

"Почему он не взял этого малыша с собой? Он просто оставил его в сарае?"

Группа детей загалдела, все бросились вперед, облачаясь на деревянный забор, чтобы увидеть Лу Жуна, при этом отеснив коров в сторону.

Лу Жун не понимал, о чем они говорили, поэтому он, тихо оступившись, нечаянно споткнулся о

кучу травы и упал навзничь.

Шерстяная шапка сползла ему на лицо, поэтому он поспешно приподнял её, натянув обратно. Два помпона, привязанные к макушке шапки, свободно болтались и свисали мальчику на лицо закрывая глаза, поэтому он смахнул помпоны, чтобы их поправить.

Через мгновение, группа детей, казалось, увидела в этом что-то смешное, и все громко рассмеялись.

Лу Жун, окруженный такой толпой и не понимающий, над чем они смеются, запаниковал и попытался найти место, где можно спрятаться. Но в сарае была только эта куча сена, так что он мог только сидеть неподвижно, когда его глаза начали краснеть.

Самый старший, парень с коровами, прикрикнул на них, чтобы они замолчали, и все успокоились. Он снова опустил голову и вновь спросил с более понятным диалектом.

"Почему ты сидишь в сарае? Мужчина, который только что нес тебя, посадил тебя сюда? Куда он делся?"

На этот раз Лу Жун понял. Он не хотел отвечать, но немного боялся, что эти люди ему что-то сделают, поэтому прошептал в ответ: "Он ушел, я один."

Группа детей переглянулась, и старший ребенок бросил несколько слов, как двое из них быстро убежали и через короткое время привели взрослого.

Лу Жун все еще сидел на сене, глядя себе под ноги и положив руки на колени. Он слышал голос взрослого, задававшего вопросы, но ему не нужно было отвечать, дети пытались ответить.

Кто-то вошел, и пара черно-синих хлопчатых туфель остановилась перед ним.

"Малыш, здесь холодно, давай вернемся к огню, — мужчина протянулся, чтобы взять его. — Посмотри на эти перчатки, они насквозь промокли,ними их."

Перчатки Лу Жуна сняли, и мужчина его держал за руки. Он почувствовал тепло сухой шершавой кожи, но все же отчаянно пытался отдернуть руку и снова спрятать ее в рукав.

"Твои маленькие ручки превратилась в кусочки льда, давай вернемся к огню," — он не поднимал глаз, и только слышал мягкий мужской голос, похожий на голос старого дедушки в будке охраны детского сада.

"Он не может понять, говори по-китайски, — группа детей снова загалдела. — Дедушка Цай, ты

должен говорить по-китайски."

"Дедушка Цай не знает китайского! Хахахахаха!"

....

Дедушка Цай, сидевший на корточках перед Лу Жуном, повернул голову и с улыбкой сказал: "Дедушка Цай — староста деревни. Почему это я не говорю по-китайски? В последний раз, когда я был на деревенском собрании, пришли несколько человек из большого города, и я говорил по-китайски."

"Не верь этому," — дети подпрыгнули и засмеялись.

"Тогда давайте послушаем, что вы скажете, ты говоришь на пиньини? Сколько букв ты можешь прочесть?"

"Дедушка Цай, ты знаешь, что такое аое?"

Пока они разговаривали, еще несколько взрослых подошли к загону для скота и встали снаружи, чтобы пообщаться с дедушкой Цаем.

"Как же здесь холодно! Кто мог просто бросить ребенка в загоне для скота? Если бы дети не нашли его, трудно было бы сказать, как долго бы ребенок продержался."

"Откуда взялся этот мальчик?"

"Он был привезен Гао Ченом и предназначался для продажи Ван Цуйхуа."

"Какой Гао Чен?"

"Родственники дома Гао в деревне Цзэнцзя, как говорят, переехали в Гуйчжоу в ранние годы, и теперь они занимаются продажей детей."

"Они все еще занимаются этим? Разве они не сказали, что их поймали?"

"Не всех поймали, он то сбежал, а его брата арестовали."

"Так что же теперь делать? Ван Цуйхуа определенно не хочет его, и Гао Ченган снова удрал."

....

Лу Жун понимал, что они говорят о нем, и просто смотрел вниз на свои ботинки, тихонько потирая ноги, пытаясь стряхнуть грязь с края ботинок. Рука, которая ранее пыталась удержать его, снова протянулась, держа одну из его ног, в то время как другая рука взяла сено и вытерла с ботинка комки грязи.

"Дитя, ты и дедушка Цай вернёмся первыми. Мы поговорим об этом завтра, уже темнеет," — сказал взрослый за деревянным забором Лу Жуну.

Дети снова заговорили: "Говори по-китайски, он не понимает."

Взрослый перешел на ломаный китайский: "Дитя, ты и дедушка Цай, пойдём, уже темно."

Дети начали цокать языками и хихикать.

Лу Жун прислушивался к их случайным смешкам, поэтому он уже не так нервничал, как прежде, и тайком поднял голову, чтобы посмотреть на мужчину, вытирающего его обувь.

Чистя ботинки, дедушка Цай сказал: "Мальчик, пойдём к огню. Завтра я спущу тебя вниз с горы."

"Мальчик, возвращайся к огню, завтра дедушка Цай спустит тебя вниз с горы," — дети повторили.

Лу Жун взглянул на него, а затем повернул голову, чтобы посмотреть на темное небо и холодный снег.

После минутного колебания, когда люди подумали, что им придется какое-то время уговаривать ребёнка, они увидели, как тот вышел и очень аккуратно обхватил шею дедушки Цая двумя маленькими ручками.

Дедушка Цай, казалось, был ошеломлен, немедленно отреагировал, улыбнулся Лу Жуну в его объятиях и встал.

"Пойдемте. Все мы должны разойтись по домам, чтобы не отморозить себе носы. Нам все еще нужно выяснить, кто этот ребенок."

Дети собрались вокруг дедушки Цая и последовали за ним к его дому, тайком дотрагиваясь до ног Лу Жуна. Они возбужденно смеялись всякий раз, когда Лу Жун смотрел на них сбоку от шеи дедушки Цая.

Лу Жуна внесли во двор, а дедушка Цай отвез всех детей домой и закрыл ворота. Когда они вошли в дом, его посадили на диван у камина, и дедушка Цай сказал: "Хороший мальчик,

садись, и я разведу для тебя огонь."

Лу Жун неподвижно сидел на диване и наблюдал, как дедушка Цай взял длинную бамбуковую трубку и подул на огонь, и после нескольких взмахов дрова внутри загорелись оранжевым теплым огнем.

Дедушка Цай снял с Лу Жуна шарф и перчатки, принес горячей воды, чтобы вымыть лицо и руки, и, наконец, воспользовался большим деревянным тазом, чтобы вымыть ноги.

"Здесь тепло, так что твои маленькие ножки не замерзнут," — сказал дедушка Цай.

Горячая вода была очень приятной. Лу Жун некоторое время отмокал, прежде чем почувствовал, что его ступни снова приросли к телу, и начал осторожно двигать большими пальцами ног.

Дедушка Цай присел на корточки рядом с ним и улыбнулся, протянул руку, ткнул его большим пальцем ноги и сказал: "Маленький жучок".

Две маленькие толстые ножки тут же сложились, несколько пальцев тоже свернулись, как будто стесняясь, дедушка Цай погладил его по голове и сказал: "Отмокни хорошенько, я принесу тебе еды".

Лу Жун очень мягко кивнул, положил руки на колени и продолжил мочить ноги, ожидая, пока дедушка Цай войдет в кухню, прежде чем поднять глаза, чтобы осмотреться.

Дедушка Цай вскоре принес миску лапши и поставил ее на квадратный стол. Затем он пошел в спальню, открыл большой шкаф и достал оттуда совершенно новое полотенце. Он разрезал полотенце ножницами, начисто вытер ноги Лу Жуна, а затем завернул обе ноги в полотенце, как маленькие клеточки. Затем надел пару очень больших хлопчатобумажных ботинок, поставил зимние ботинки Лу Жуна сушиться рядом с огнем.

Он поднял Лу Жуна, посадил его за квадратный стол и спросил: "Хочешь, дедушка тебя покормит?"

Лу Жун уставился на дымящуюся тарелку с лапшой, на которой лежали два яйца, проглотил и покачал головой.

Дедушка Цай протянул ему палочки для еды и сказал: "Тогда ешь, пока горячо".

Диван была такой высокой, что Лу Жун сидел на нем, свесив ноги в воздухе. Но квадратный стол был намного выше дивана, и ему пришлось высунуть голову, чтобы увидеть лапшу в миске.

Он поднял руку и неумело воспользовался палочками для еды, чтобы поднять лапшу, но после нескольких попыток ему не удалось поднять лапшу, и он посмотрел на дедушку Цая с некоторой опаской. Он не очень хорошо владел палочками для еды, и обычно, когда он ел лапшу дома, ее сворачивали вилкой и отправляли в рот. Когда дедушка Цай начал помогать ему, Лу Жун тоже перестал настаивать на том, чтобы делать это самому, и начал есть лапшу большими кусками.

“Хороший мальчик, как тебя зовут? Помнишь свой дом? Ты знаешь имена своих родителей?” Дедушка Цай спросил на диалекте, а когда Лу Жун не ответил, он снова спросил на ломаном китайском.

Лу Жун внезапно перестал есть лапшу и искоса посмотрел на диван, не говоря ни слова. Его длинные ресницы низко свисали, образуя ряд теней на дне глаз.

“Дедушка не будет больше спрашивать, сначала поешь, сначала поешь”. - повторил дедушка Цай, взял еще один кусочек яйца и отправил его в рот Лу Жуну.

Лу Жун проглотил яйцо во рту, прежде чем прошептать: “Меня зовут Лу Жун, “Жун-Жун” пишется как “пушистый”. Мне четыре года, я учусь в среднем классе детского сада, и меня пять раз награждали как хорошего мальчика и три раза как чистоплотного мальчика”. Его голос становился все тише и тише, и, наконец, шевелился только рот, и дедушка Цай услышал первую половину и понял, что его зовут Лу Жун и ему четыре года.

Когда он поел, дедушка Цай снова отнес Лу Жуна к огню и снял наволочку, прикрепленную к длинному журнальному столику, открыв под ней телевизор.

“...Секретарь Шэнь сказал, что развитие туристических ресурсов горы Лунцюань является главным приоритетом текущей работы...”

Телевизор был черно-белым, очень маленьким, и глаза Лу Жуна были прикованы к голосу, чтобы увидеть, как дедушка Цай крутит ручку рядом с ним, щелкая и переключая канал.

“...Природные и антропогенные ландшафты горы Лунцюань переплетены...”

Дедушка Цай сменил три станции с изображениями, все из которых были одними и теми же новостями, и он сказал себе: “Опять все местные станции, куда делись все обычные мультфильмы?”

Он продолжал переключать каналы, все на улице было в хлопьях снега, когда он повернул голову, то увидел, что Лу Жун трет глаза и зевает, поэтому он выключил телевизор и подошел, чтобы обнять его: “Жун-Жун, иди спать”.

Лу Жун уже очень устал, и когда дедушка Цай уложил его в постель, чтобы раздеть, он по

привычке хотел опереться на плечо дедушки Цая и закрыть глаза, чтобы уснуть, но как раз перед тем, как опереться на него, он вспомнил, что он не Ван Ту, и поспешно поднял голову и положил голову, стараясь держать глаза открытыми.

Дедушка Цай раздел его до нижнего белья, укрыл его мягкое маленькое тельце теплым одеялом и подтолкнул уголок одеяла.

Лу Жун почти заснул, и как в тумане он услышал, как дедушка Цай сказал: "Спи спокойно. Дедушка отвезет тебя завтра в полицейский участок, чтобы найти твоих родителей."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326833>